

## БИЛЕТ НА ГАЛЕРКУ

— Здравствуйте. Анатолий Георгиевич!  
— Добрый день, Толя!  
— Как поживаете, Анатолий Георгиевич?

Мой спутник улыбается, кому-то пожимает руку, кого-то дружески похлопывает по плечу. Просторные, светлые коридоры Дворца культуры завода «Серп и молот» в этот вечерний час напоминают вокзальную суету — шумную, говорливую, на первый взгляд кажущуюся беспорядочной и хаотичной, но на самом деле — организованную и отлаженную. И еще — праздничную. Нелегко было бы сориентироваться в этой, как выясняется, каждодневной суматохе, если бы не мой проводник и собеседник. Чувствуется, он «свой» здесь, не гость — хозяин. Недаром так уважительно здороваются с ним и беззусые парни, и солидные пожилые люди. Да и не только здесь, во Дворце культуры, чуть не весь завод знает его — Анатолия Георгиевича Кустова. А кто он — знатный рационализатор, прославленный бригадир? Оказывается, нет.

...С детства он мечтал о сцене. Не той, далекой, залитой светом софитов и юпитеров, захлестнутой овациями зрительного зала, букетами цветов, криками «браво»... Его мечты были гораздо скромнее. Да и откуда ему, мальчишке, родившемуся и выросшему в маленькой деревушке, а потом почти пол-России исколесившему вместе с семьей в голодные, трудные годы войны и эвакуации, — откуда и где было ему узнать, увидеть настоящий театр? Но зато были школа и книги, любимая учительница и драмкружок — наскоро сколоченная сцена, мальчишки и девочки в застиранных платьишках читают Пушкина... Не здесь ли истоки того чувства, что пронес он через всю свою жизнь?

Когда этот человек рассказывает о своей судьбе, не устаешь удивляться тому, сколь прочно и органично сплелись здесь мечта и реальность, суровая, подчас грубоватая проза жизни и неутолимая жажда возвышенного и прекрасного. Сегодня все гораздо проще, открытее — музеи, театры, кинотеатры, картинные галереи, да в сущности все сокровищницы искусства на службе человека, для его души, воспитания и развития чувств — впитывай, постигай. И трудно понять нынешним молодым, в буквальном смысле слова воспитанным на телевизорах и стереомагнитофонах, что обычный спектакль или концерт, переданный по радио, становился праздником для людей, истосковавшихся по искусству. Черные тарелки громкоговорителей и голоса, которые узнавались сразу же, без секунды колебания — Лемешев и Обухова, Качалов и Книппер... А многие были лишены и этого. Война, голод, недостаток, а ты самый старший в семье, кроме тебя еще пятеро, и всех надо поставить на ноги, помочь родителям, — но не покидает тебя мечта об искусстве, о сцене, о театре, не просто увиденном из зрительного зала, а сотворенном самим.



вошел завод. Сын потомственного рабочего сам стал рабочим в самом главном, горячем цехе «Серпа и молота» — мартеновском. А через год Анатолий Кустов впервые попал в настоящий театр. В жизни любого из нас рано ли, поздно случается встреча с прекрасным. Для кого-то еще в самом юном возрасте — это метерлинковская «Синяя птица», поэтичнейшая из сказок; для иного, в более зрелые годы, приходят напряженные шекспировские раздумья о смысле и цели жизни...

А для Анатолия Кустова эта встреча произошла лютоснежной зимой второго послевоенного года. Как будто вчера это было — самый дешевый, на галерку, билет, он сам — в валенках и телогрейке, а там, в глубине сцены — чудо, рождающееся на его глазах. «Вишневый сад» Чехова, блистательные мхатовцы. Слова «театр», «актер» звучали для него как песня, наполнили ощущением чего-то недостижимого и вместе с тем властно манящего. Мог ли он тогда подумать, что пройдут годы, и самой драгоценной реликвией станет для него любительская, «домашняя» фотография прекрасной актрисы Малого театра Варвары Александровны Обуховой, друга и наставника, председателя художественного совета их народного театра. «Так держать, Толя!», — написано на обороте. Что может быть дороже похвалы выдающейся актрисы, одобрения, поддержки его труда? Самая дорогая реликвия. А тогда, зимой 1947-го...

Нет, он не бросил завод, не ушел с работы, не подался в профессиональные актеры. Слишком сильна была в нем основательная, рабочая заправка человека труда, да и понимал он: такого настоящего, высокого — не достигнуть. Но ведь есть и другое, не столь грандиозное и недостижимое, а свое, родное, совсем рядом — заводская самодеятельность, народный театр. Не важно, что зрители, свои же заводчане, с «Серпа и молота», и роли на первых порах — второстепенные, а то и эпизоды. Главное — ты на сцене, ты играешь, ты хоть чуточку, но актер!

Может быть, именно с этого момента и началась его настоящая жизнь, та, о которой он мечтал, к которой шел трудными, неизведанными путями. Все было ново, и в атмосфере горячих споров о жизни и искусстве, репетиций, когда каждый ве-

чер, проведенный здесь, во Дворце культуры, вместе с друзьями по цеху, по заводу, он постигал новые впечатления и мысли, жадно впитывал знания, культуру. И, казалось, открывались перед ним тайны искусства, и был он не сторонним наблюдателем, но горячим деятелем, созидателем.

Народный театр, клуб, драмкружок... Как привычны стали эти слова, как обыденны и повседневны. Кое-кто, возможно, снисходительно усмехнется — тешат себя взрослые люди прихотью, развлечение ведь, не более. Играют сами для себя — самодеятельности! Кто еще, кроме родных и знакомых, пойдет смотреть на это творчество? И уровень не тот, и играют не так. А ведь дело здесь вовсе не в стелени профессионализма, уровне актерского мастерства. Главное, что привлекает в любительских коллективах, — энтузиазм участников, огромная отдача, готовность самозабвенно, невзирая на усталость после трудового дня, на нехватку времени, отдаваться заботам коллектива, ставшего родным; душевная близость людей, связанных общим делом. Новые книги, новые фильмы, постановки — все в поле их зрения, составляет предмет живого обсуждения. А как взволнованно, понастоящему творчески проходят встречи рабочих с актерами и режиссерами Малого театра, с которым коллектив «Серпа и молота» дружит уже пять десятилетий! Поистине — для настоящей дружбы не существует «срока давности». Наверное, потому, что всех их — и профессионалов, и тех, кто выходит на сцену от станка, объединяет любовь к театру.

...Его обычный трудовой день расписан едва ли не по минутам. После смены — репетиция, потом — заседание военномшефской комиссии ДК «Серп и молот», обязательно позвонить в Малый — пригласить на ближайшую премьеру. Хорошо бы еще захватить в общежитие — давно обещали выступить перед молодежью; написать о работе народного театра в «Мартеновке» — заводскую многотиражку... Дел хватает.

А время летит незаметно — кажется, вчера молодым парнем пришел Анатолий Кустов на завод. А нынче — уже дедушка, внучка растет. Так что же, на пенсию, на покой? Нет, не усидеть ему в пенсионерах, не прожить без привычной, беспокойной работы. Так много еще не успел, не сделал. Не сыграл. Любимая роль? Она есть — Антон Копалин в «Ситуации» В. Розова. Почему именно эта? Да очень просто — такой же рабочий, заводчанин, свой парень.

...Поздним вечером выходит из дверей Дворца культуры невысокого роста сухощавый, седоватый человек с пронзительно-ясными, кажется, совсем молодыми глазами. Кончился спектакль. Завтра ему на смену, потом репетиция. Такая у него, Анатолия Георгиевича Кустова, жизнь, такая судьба.

О. ТВЕРИТИНА.

На снимке: А. Кустов готовится к выступлению.

Фото А. Безроднова.